

Матьяна
Алюшина

Две
ПОЛОВИНКИ

Роман

МОСКВА
2022

Матьяна
Алюшина

Читайте романы
Татьяны Алюшиной

Крымский роман
Влюбиться в жертву
Любовь со вкусом вишни
Девушка из нежной стали
Далекий мой, единственный
Девочка моя, или Одна кровь на двоих
Две половинки
Девушка с проблемами
Запутанные отношения
Свидание вслепую
Красота по-русски
Девушка-праздник
Дом, где исполняются мечты
Беглая невеста
С молитвой о тебе
Любовь без права на ошибку
Мой слишком близкий друг
Два шага до любви
Двое на краю света
Все лики любви
В огне аргентинского танго
Чудо купальской ночи
Больше, чем страсть
Моя нечаянная радость
Тот, кто назначен судьбой
Неправильная невеста
Утоли мои печали
Счастье любит тишину
Коллекция бывших мужей
Белоснежный роман
Сердце просит счастья
Руки моей не отпускай
Формула моей любви
Будьте моей семьей
Созданы друг для друга
Актриса на главную роль
Озерные страсти
Вальс до востребования
Судьба непринятой пройдет

Патьяна
Алюшина

Две
ПОЛОВИНКИ

Роман

МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А59

Художественное оформление серии
Н. Каштыкиной

Редактор серии *В. Горюнова*

Ранее роман выходил под названием
«Просто о любви»

Алюшина, Татьяна Александровна.
А59 Две половинки : [роман] / Татьяна Алюшина. — Москва : Эксмо, 2026. — 352 с.

ISBN 978-5-04-165761-1

Они встретились и полюбили друг друга. Он — врач, сотрудник МЧС, выезжающий в горячие точки. Она — переводчица любовных романов, привыкшая к спокойной, размеренной жизни. За плечами обоих — неудачные попытки построения отношений и одиночество. Вспыхнувшее между ними чувство оказалось столь сильным, что напугало обоих. Но смогут ли понять друг друга такие разные люди?..

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-165761-1

© Алюшина Т., 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

*Моей замечательной племяннице
Александре Беляевой
посвящается с любовью*

— Нет, ну надо же было в очередной раз так попасть?! А? — негодуя, вопрошала у провидения Стаська. — Ну не умею я ей отказывать, и все! Ну хоть бы раз! Придумала бы что-нибудь: свидание какое захудалое, например, или работу срочную!

Стаськины стенания начавшиеся с того момента, как она проснулась, были в пользу бедных, то бишь бесполезны. Поскольку отказать любимой тетке, именуемой в семье княгинюшкой, она не могла и, пожалуй, не знала никого, кто оказался бы на это способен.

А отвертеться и придумать путевую отговорку... а-а-а!

Бесполезно!

Отмазки типа работы и свидания, как говорится в том анекдоте: «Не канают!» Трудилась Стася сразу на трех работах — переводила для одной фирмы официальные документы с немецкого на русский и наоборот, для другой фирмы делала то же, но на французском, но основным местом своей занятости числила

издательство, для которого переводила с французского женские любовные романы. Работы выходило до фига, но основная прелесть состояла в том, что при наличии компьютера и электронной почты трудилась девушка исключительно дома, осчастливливая места трудового предписания своим появлением крайне редко. Поэтому сослаться на законный выходной и радостное отсыпание в субботу утром не было никакой возможности — спала Стася и так сколько хотела, в любой день, предпочитая работать до поздней ночи, и непосредственно ночью, при необходимости, возникавшей практически всегда.

Ну, а свидания... Это совершенно отдельная тема!

Словом, вчера, когда позвонила княгинюшка и выдала задание партии имени себя, отвергнуться Стаське не удалось, хоть она и сделала все, что могла, а именно канючила, пугала тетюшку всякими дорожно-транспортными ужасами, которые могут случиться на зимней дальней дороге.

— Ерунда! — прервала слабые попытки отделаться от задания княгинюшка. — Ты прекрасный водитель, и я тебя не в деревню Синюки прошу съездить! Это солидный академический поселок, там дороги расчищают!

— Когда это он академическим был? Теперь он, по большей части, новорусский!

— Тем более дороги чистят! Слава, я по-

нимаю, что тебе не хочется, но мне срочно нужны эти тетради для книги! И ничего такого уж страшного — съездишь, проветришься, воздухом подышишь, дом проверишь, погуляешь. За городом сейчас такая красота! Зима настоящая — с морозцем, с чистым снегом, а не московская слякоть! Чайку попьете с Василием Федоровичем, поговорите за жизнь, ему будет приятно!

— Почему ты всегда придумываешь для меня какие-то суперзадания? — сдалась без особого боя Стаська.

Но выступить-то она имела право, бесполезно, зато хоть какая-то реабилитация для души!

— Слава, не вредничай! Давай, я тебя жду к вечеру, испеку твой любимый пирог.

— Ты испечешь или Зоя Михайловна? — съязвила Стася.

Тетушка рассмеялась.

— Какая тебе разница? Главное, что вкусно!

Зоя Михайловна была не просто тетушкиной домработницей, а скорее членом семьи, домоправительницей и изумительно готовила. Стася все поражалась, как при таких разносолах и каждодневных вкусностях княгинюшка умудряется остаться стройной и подтянутой, в ее-то, тщательно скрываемом после пятидесяти лет, возрасте.

— Не надо пирога, у меня и так попа с джинсами в конфликте, — проворчала Стася.

Вот и пришлось ехать. А в одиночестве, за рулем, чего ж не поворчать на судьбинушку и железный характер любимой родственницы, тем более, когда, вырулив на МКАД, девушка благополучно угодила в беспросветную, нудную пробку, не добавляющую радости настроению.

— Нет, ну я-то знаю, куда еду по делам, а вот вы все за каким лешим в субботнее утро поперлись? — риторически вопрошала она у участников пробочного движения.

Стася включила приемник, молчавший до поры, пока она с наслаждением предавалась ворчанию и придумыванию запоздалых отмазок от данного вояжа, и улыбнулась — смешно!

Противостоять княгинюшке мог, пожалуй, только президент, и то особым приказом, куда уж ей тягаться! Тетушка являлась для Стаси самым родным человеком, пожалуй, что в одном лице мамой и папой, и теткой, само собой.

Продвигаясь черепашьям ходом по дороге, в соседстве таких же автострадальцев, Стася улыбалась, думая о тетушке.

Серафима Андреевна Гольдина (по последнему мужу) родная сестра Стаськиного папы — Романа Андреевича Игнатова, была старше его на десять лет и «имела трудное удовольствие», как говаривала сама княгинюшка, трижды побывать замужем, но, к сожалению, детей у нее ни в одном замужестве не получилось.

— Мужья мои, слава богу, были не абы что, а вполне приличные люди. Я делала их, они делали карьеру — все справедливо. Теперь я могу спокойно, и заметь, комфортно жить так, как мне хочется, пользуясь плодами моих вложений в этих мужчин!

Не поспоришь!

Первый раз Серафима вышла замуж в двадцать два года, сразу по окончании с отличием исторического факультета и поступления в заочную аспирантуру, за своего преподавателя.

К моменту их скандального брака — преподаватель женится на студентке! — супруг имел кандидатскую степень и ревностно охранявшую его одиночество и принадлежность лично ей мамашу, с которой жил.

Энергичная Сима занялась карьерой мужа и укрощением мамыши всерьез.

За пять лет ее стараниями мужик из невзрачного измятого холостяка без особых амбиций преобразился в блистательного, подтянутого, стройного, одетого с иголочки красавца, доктора наук.

Явные и разительные перемены имели неизбежные последствия в виде любовной интрижки со студенткой и чуть не стоили ему карьеры.

Серафима взялась уладить конфликт в институте и на кафедре, на которой и сама к тому времени работала, но с определенными условиями — развод и размен квартиры на

два отдельных жилья. Когда родилась Стаська, Сима как раз пребывала во временной стадии «незамужества» и раздела имущества.

Странное дело, но с первым мужем Серафима дружит до сих пор, она еще не раз ему помогала в сложных ситуациях, выручала, потому что, несмотря на внешний лоск, характер у доктора наук, увы, не изменился. И похороны его мамы организовывала бывшая жена. Но это только тетушкины тайны.

Второй раз Серафима вышла замуж за доктора технических каких-то там наук, к истории как науке и профессии не имеющего никакого отношения, что не смутило княгинюшку ни на секунду.

— Ну, в бой, так в бой! — сказала Сима, активно знакомясь с технико-научной «тусовкой», вникая в тамошние интриги, традиции и пути карьерного роста. Здесь оказалось все сложнее, в силу времени, бытующего в стране, и национальности мужа номер два, с которой страна находилась в неприязненных отношениях.

Серафима Андреевна справилась — профессора он получил и...

И потом Сима помогла ему отбыть в Америку через обетованный для таких случаев Израиль.

Даром ей это не прошло, ее сильно пресинговали за бывшего мужа эмигранта из красот социализма, и Симе пришлось уйти с

работы. Но тетя не особо и переживала, осела временно и с удобством в музее научным сотрудником, переждать шумиху. А искренне благодарный ей бывший муж-профессор, уезжая, оставил Серафиме квартиру и что-то там еще.

Но опять-таки это только княгинюшкины тайны и истории.

Как ни смешно, и со вторым мужем Сима дружит до сих пор: они перезваниваются частенько, переписываются по электронной почте, ездят друг к другу в гости. Сима однажды спасла ему жизнь в девяносто каком-то лохматом году, когда он попал в больницу, серьезно заболев, и позвонил ей проститься. Княгинюшка понеслась «в эту Америку», и тамошние врачи наконец поняли, почему русские победили во Второй мировой войне — такую Курскую битву устроила им там Сима! Подняла всех специалистов на ноги, пригрозила миллионными судебными исками — словом, резвилась от души! Но профессора поставила на ноги, не отходила от него ни на минуту, кормила с ложечки, контролировала все процедуры реабилитации — ухаживала, как за ребенком.

И спасла-таки!

Третий, и «окончательный», как говорит Сима, раз она вышла замуж за академика Гольдина, подведя итог своей матримониальности: «за двадцать лет я наконец научилась

выбирать мужей — от кандидатов наук, отягощенных мамашами с мерзкими характерами, к красавцам академикам!»

Замечательный Евгений Симонович Гольдин кому был академик, а кому и дядя Женя.

Третье замужество стало для тетушки «Самым». Именно так, с большой буквы.

Единственная настоящая, сильная любовь и счастье от первого до последнего дня совместной жизни. Стася очень хорошо помнила, какой была в то время княгинюшка, как будто светилась изнутри, улыбалась все время, смеялась, шутила и все поглядывала на своего Евгеньюшку влюбленными глазами.

Он умер. Во сне. И больше Стася никогда не видела княгинюшку такой счастливой.

У Евгения Симоновича не осталось родственников. Вернее, они были, до определенной поры. Родители его давно почили, с первой женой дядя Женя развелся задолго до встречи с Симой, братьев-сестер не имел, какие-то дальние родственники числились, но отношений близких не поддерживали. Был сын Саша, Стаська его хорошо помнила, он приезжал к ним часто — веселый, шумный, большой, до глаз заросший бородицей. Когда он появлялся, начинался шум, гам, смех, диковинные истории про тайгу, в которой Саша проводил большую часть времени, работая не то геологом, не то нефтяником. Там и погиб, в экспедиции. Дядя Женя и Сима тяжело

пережили его смерть. Это Стаська тоже помнила — тишину и подавленность в доме, и тетушкины тихие слезы.

За неимением других близких родственников после смерти дяди Жени Симе досталась академическая квартира и дача в Подмосковном поселке, некогда прозванном «научным филиалом» за принадлежность ученым одного профильного направления.

Именно на эту дачу и заслала любимая родственница племянницу посреди зимы, мороза и снегопада.

У тетушки появилось новое увлечение — она *писала!*

После смерти Евгения Симоновича княжнюшка объявила себя одинокой дамой, потакающей своим капризам.

— Если сподобится появиться ухажеру какому — не откажусь! Но никакого сурьезу! Три замужества и одна большая любовь, мой Евгеньюшка, — более чем достаточно! Надо что-то и другим женщинам оставить, а то, как известно, замуж выходят одни и те же. Буду чудить в свое удовольствие, благо мужьями обеспечена!

Слово «чудить» означало весьма широкий спектр интересов и подразумевало различного рода увлечения.

Перво-наперво Сима принялась путешествовать по Европам, с восхищением делась впечатлениями, дополняя повествования фото-

и видеоматериалами. Частенько таскала по границам Стаську. Когда новизна и острота восприятия притупились, к познавательно-развлекательным вояжам княгинюшка охладела, и от очередного интересного предложения туроператора отмахнулась:

— Хватит. Накаталась.

Далее последовало новое увлечение — эзотерика в различных формах и вариациях — от народной медицины до экстремальных тантрических занятий, вызывающих у Симы гомерический хохот.

— Нет, ты представляешь, — делилась она впечатлениями с племянницей, — оказалось, это все танцы вокруг секса! Я когда посмотрела, что предлагается вот эдак расслабиться, дышать, думать, двигаться, чтобы, пардон, достичь наивысшего духовного и телесного слияния, от души пожалела нерадивых, ей-богу! Если это у них называется «достичь», то что у них тогда происходит в обычной семейной жизни? Взаимный глубинный массаж органов в темноте и под одеялом? Я, знаешь ли, волнуясь за молодое поколение, если им требуется заплатить деньги, и немалые, чтобы на глазах у еще двадцати человек научиться правильно владеть своими органами!

Тантры охладили увлечение эзотерикой, подорвав доверие к данному предмету, от которого остались лишь напоминания в виде фэншуйских штучек в доме, дорогущего аетро-

логического прогноза жизни на десяти листах и массы литературы, спрятанной «с глаз долой» в глубины книжных шкафов.

Еще Стаське с Зоей Михайловной пришлось пережить увлечения экспериментальными театральными постановками, «тусовками» в высших, но при этом околонаучных кругах, попытки изучения китайского языка, японскую кухню и так, всякого разного по мелочи.

Но надо отдать должное Серафиме: за каждое новое увлечение она бралась со всей серьезностью, подходя к вопросу по-научному. Всесторонне изучала предмет, перелопачивая массу литературы, справочников, сведений из Интернета, вникая в суть, посещая лекции и обращаясь к специалистам.

Что вы хотите — кандидат наук! А еще характер!

Где-то в середине изысканий по интересам княгинюшка увлеклась йогой и занимается ею по сию пору, за что Стаська не перестает благодарить Бога, потому что ежедневные тренировки держат тетушку в прекрасной физической форме.

Нынешнее, последнее, увлечение, свалилось нежданно.

Серафиме позвонили из Академии наук и поинтересовались, не осталось ли после смерти академика Гольдина каких-нибудь записей, любого свойства — научного или личного, так как в Академии принято решение выпустить

серию книг о выдающихся ученых: их биографии, заметки родных и друзей, описание работ.

Надо знать Симу!

Она лично съездила на аудиенцию к ответственному секретарю и члену-корреспонденту академии наук, курирующему данный вопрос. Результатом randevу явилась не какая-то там «краткая биография», а заказанная к написанию полноценная книга о жизни Евгения Симоновича.

— Люблю себя в писательстве! — сверкнув глазами, объявила княгинюшка, явно загоревшись новой идеей.

Дневники, за которыми так беспощадно тетка отправила Стаську в субботу поутру на дачу, Сима вела, только когда жила с дядей Женей.

— Вот, представляешь, никогда не имела тяги зафиксировать мысли-события, а с Евгеньюшкой, само сложилось, рука тянулась, как знала, что он самое скоротечное, яркое в моей жизни.

Дачу, построенную еще родителями Евгения Симоновича, не менее известными учеными, в семье любили, относились с почтением и элементами благоговения.

Жизнь на даче для Стаськи была особенной — безалаберно-свободной, счастливой и пахла малиной!

Всегда малиной!

Огромные заросли одичавших кустов буйствовали по всему участку и неизменно, каждый год, приносили какой-то нереальный урожай.

— Сима! — кричал из кустов дядя Женя. — Ее все-таки надо проредить! А то малинник, как в тайге, скоро до дома дойдет!

— Да не будем мы ее прореживать, Евгеньюшка, зачем! Пусть себе растет! — отмахивалась Сима.

Диалог, повторявшийся неизменно из года в год, в первый день их летнего приезда. Они начинали перетаскивать вещи из дяди-Жениной «Волги» в дом, бросали это занятие вместе с барахлом на полдороге и все втроем забирались в малину.

Сейчас Стаська улыбалась, вспоминая те годы.

Странная штука сознание — мысли цепляются одна за хвостик другой, и куда тебя занесут плавные неторопливые размышления — неизвестно. О чем только не передумаешь и чего только не вспомнишь, стоя в пробках да в дальней дороге. Иногда такое наворотишь в уме — вроде только что думал об утреннем кефире, а спохватился — о кладбище! И поражаешься: господи, как это меня занесло?

Правда, философы утверждают, что все в жизни взаимосвязано, и утренний кефир вполне может обернуться вечерним кладбищем.

Вот ведь Стася начала день с бухтения и негодования, а смотри — ползет в пробке на своем «фордике», присыпаемом сверху непрекращающимся снегом, — и улыбается, вспоминая лето, дядю Женю, малину, неспешные вечера на веранде за чаем и дачную вольницу!

Нет, на самом деле, чего куксилась, сопротивлялась? Ну, дорога сложная, так на то и зима, чтобы мороз крепчал и снег валил, а водитель Вася действительно хороший! Четырнадцать лет за рулем! Срок, между прочим!

Первую машину родители подарили Стаське в ее восемнадцать лет — «Жигули», пятерку, получив совместный «большой» гонорар.

Полгода Стася так старалась и до ужаса боялась водить, что от напряжения у нее постоянно болели спина, руки-ноги, голова. Доезжая до дома, девушка всегда страшно удивлялась, что умудрилась добраться из одного пункта в другой и не вдряться ни в какие ДТП.

Ничего, привыкла, и все получилось!

В водительском багаже имелись несколько несерьезных аварий, половина по ее вине, и всяческие мелкие происшествия. Так у кого не бывает!

Если бы не тетушка, Стася сидела бы сейчас дома, немного ленилась, много работала, на улицу и носа не высунула! Так чего изворчалась?

А никому не нравится, когда кто-то напридумывал дел и втягивает вас в их исполнение!

Обижаться на княгинюшку Стаська не то что не умела, а и представить не могла, как это возможно — с Симой они пребывали в полном согласии. Ну, любила Серафима Андреевна иногда «порулить» окружающими, так и что? Характер такой!

У Стаськи-то и подруг задушевных не появилось за ненадобностью. У нее всегда была Сима — всеми своими тайнами, мечтами, обидами, разочарованиями и победами девушка делилась с княгинюшкой. Подруги, конечно, имелись, как же без них, но...

Серафима всегда была за Стаську, невзирая ни на что, даже если племянница набедокурила или упорствовала в своей неправоте.

Так было всегда. С детства.

Даже не так — еще до Стаськиного рождения Сима стояла за этого ребенка горой!

Роман Андреевич, Стасин папа, получил нежданым сюрпризом, когда уж бабушка с дедушкой и не чаяли. И, как водится в таких случаях, был безмерно любим и без нее же, без меры, балован, и больше всех старшей сестрицей Симой. Но, на удивление, ни эгоистом, ни маменькиным сынком не вырос, может, благодаря открывшемуся с детства музыкальному таланту.

Мальчик был настолько одарен, что перешагивал через классы в музыкальной школе, и вскоре, благодаря стараниям своего перво-